

Эдуард Веркин

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ
2012

ШАГИ ЗА СПИНОЙ

Эдуард Веркин
Шаги за спиной

«ЭКСМО»

2012

Веркин Э. Н.

Шаги за спиной / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-56134-6

Считаешь, бука – детская страшилка для маленьких? Несмотря на свое безобидное прозвище, он – настоящее чудовище! Кошмар, страх, паника... не существует слова, чтобы описать те ощущения, которые испытываешь, столкнувшись с ним в реальности. Обычно бука стоит у тебя за спиной. И лучше резко не оглядываться: если ты его увидишь – это конец...

ISBN 978-5-699-56134-6

© Веркин Э. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдуард Веркин

Шаги за спиной

Глава I

Пугач

Сомёноква ждала уже полчаса. Уроки закончились в половину второго, и он должен был появиться. Но не появился, то ли тянул, то ли вовсе его в школе не было сегодня. Может, завтра подойти?

Завтра неплохо бы, только вот ждать...

Ага.

Дверь хлопнула, на крыльце показался Круглов, она его как-то сразу узнала. Тощий, в тяжелых ботинках, все как рассказывали. И выражение лица тоже как рассказывали. Чересчур самоуверенное.

Он брезгливо огляделся, плюнул за перила, сбежал по лестнице и деловито протопал мимо Сомёноквой, довольно нагло задев ее рюкзаком.

Хам, подумала она. И почти сразу вспомнила, что все приличные люди в этом возрасте хамы, защитная реакция такая, если не будешь хамом, то другие, настоящие хамы, прикидывающиеся добрыми людьми, мгновенно тебя сожрут. На полтора зуба.

– Эй! – позвала она.

Парень не остановился.

– Круглов!

Парень обернулся.

– Погоди!

Девушка подбежала к нему, едва за рукав не уцепилась. Парень ухмыльнулся.

– Ты ведь Круглов? – спросила она.

– Ну.

Он зевнул. Точно наглый. Она не стала бы с таким дружить. А с ним и так никто, наверное, не дружит, еще бы – водиться с таким странным типом...

– Что тебе, Изергиль? – спросил Круглов.

– Разговор есть. Я не Изергиль вообще-то.

– Все так говорят. Так чего надо-то?

Парень зевнул, достал из кармана мятные леденцы.

– Будешь? – спросил.

Она от леденцов отказалась.

– Зря. Освежают дыхание. Если разговор – то тут парк по пути. Можем там поболтать.

– Хорошо, пусть в парк.

Они двинулись в сторону парка.

Круглов, кажется, учился в девятом, на год младше, и Сомёноква долго думала, как себя с ним вести: на равных или чуть свысока? Решила, что лучше на равных, во всяком случае, на первом этапе, потом поглядим.

Он нарочно шагал слишком быстро, ей приходилось поторапливаться, что очень мешало думать, а замедляться парень явно не собирался, шагал себе, жевал жвачку, надувал зеленые пузыри, придурок.

Они прошли парк почти до середины, до старой скучной карусели, остановились под ней, недалеко от покосившегося тира.

– Ну, чего надо? – недружелюбно спросил Круглов.

– Понимаешь, у меня странная просьба... – начала Сомёнок. – Она необычная...

– Ого! – Круглов сделал большие глаза. – Ты меня, Изергиль, интригуешь, однако. Знаешь, иногда у... – Он быстро окинул ее прищуренным взглядом, – спортсменок, видимо... Так вот, у спортсменок иногда такие причуды – мама вздрогнет. Вот был я знаком с одной бобслеисткой, так она машины толкать любила.

– Как?

– Так. В прямом смысле. Идем по улице, мечтаем, о Бальмонте беседуем, а она вдруг и говорит: «Виктуар, видишь вон ту черную «восьмерку»? Так я ее сейчас толкну в полтолчка». И раз – подбегает к машине – и толкает, так запросто, без предупреждения. Сигнализация, конечно, срабатывает, мы удираем от хозяина с монтировкой, очень весело. Особенно если каждый день по два раза. Ты как, не бобслеистка, случаем?

– Не, я на коньках...

– На коньках – это уже лучше, с коньками не забалуешь. Хотя я слышал, вы там об лед часто стукаетесь, и все головой. Правда?

– Нет, я не стучалась. Два раза ребра ломала, а головой нет...

– Точно? – сочувственно спросил Круглов.

– Да...

Сомёнок вдруг почувствовала себя глупо. Она стоит возле старого тира и убеждает парня, который к тому же младше ее на год, что она никогда не стучалась головой об лед. С третьего класса про это мечтала.

– Это хорошо, что ты не стучалась, – он похлопал ее по плечу. – Просто здорово. Так чего тебе от меня-то надо?

– Надо кое-кого проучить, – сказала девушка.

– Это не ко мне, – отрезал Круглов. – Это к Лосю, он кого хочешь проучит. И недорого, две штуки – зуб, штука – фонарь, куртку в грязи извлекать почти бесплатно...

– Мне не так нужно.

– А как? – ухмыльнулся Витька.

– Как с Пушкиной.

Круглов не прореагировал. Сомёнок предположила, что он сделает большие глаза, спросит: «А ты откуда знаешь?» Но он и здесь проявил удивительное равнодушие, леденец в рот закинул.

– Как с Пушкиной, – повторила она с ударением.

– С какой Пушкиной-то? – лениво спросил парень. – Племянницей Александра Сергеевича?

– Из четырнадцатой школы которая.

– И что с ней такого случилось? – улыбнулся Круглов.

– Как что? В дурдом на неделю загремела.

– Да? – удивился парень. – В дурдом?

– В психушку, – уточнила Сомёнок.

– В психушку... А я при чем?

– Да ладно! – Она осмелилась схватить его за рукав. – Все знают, что это ты!

– Я ее в дурдом отправил?! Ты что, хоккеистка, опомнись...

Девушка помотала головой:

– Нет, ты не так понял. Ты ее напугал как следует, а в дурдом ее уже родители определили, она на всех дома кидалась... Знаешь, ей дурдом только на пользу пошел – сейчас отличницей стала, в хоре поет.

– В церковно-приходском? – осведомился Круглов.

– Не знаю... Мне тоже надо.

– В дурдом? – уточнил Круглов. – Или в хоре петь?
– Хватит прикалываться, – попросила Сомёноква. – В дурдом мне не надо. И в хор тоже – у меня слуха нет. Мне требуется помощь. Понимаешь, она сделала мне гадость...

Витька вздохнул.

– Она сделала мне гадость, – повторила девушка. – Знаешь... – Она поморщилась.

– И ты как настоящая добрая самаритянка собираешься сделать ей ответную? – закончил он.

Круглов наклонился, поднял кусок асфальта, швырнул в разбитое окно тира, асфальт упал на что-то мягкое, не громыхнул.

– Ну, в общих чертах если, – согласилась Сомёноква. – Только не гадость сделать, а проучить.

– Чрезвычайно гуманно, – согласился он. – Не гадость, но проучить... – это антично, как ты думаешь?

– Как?

– Антично, – повторил парень. – Ну, «Одиссея», «Илиада», древние греки всякие. Читала?

– Читала...

– Высок уровень образования среди наших хоккеистов, что не может не радовать. Ладно, Изергиль, повеселились и хватит. Ты хочешь отомстить некоей инфернальной...

– Любке.

– О ужас, Любке! А при чем здесь я? Это ваши девчачьи разборки.

– Но это ведь ты... Ты наколдовал Пушкиной...

– Что?! – вот здесь Круглов, кажется, удивился.

С реки поднялся ветер, карусель ожила, пошевеливалась и издавала пронзительные живые звуки. Сомёноква поглядела на нее с опаской – а вдруг сейчас на голову завалится?

– Ты же на нее порчу навел, мне рассказывали...

Это она произнесла совсем шепотом, чтобы никто-никто не услышал.

– Во дуры-то... – парень помотал головой. – Нет, всегда знал, что девушки в этом возрасте интеллектом не изуродованы, но чтобы до такой степени... Какое колдовство? Какая порча? Ты что, красавица, халвы объелась?!

– Я нет... Но Пушкина ведь почти месяц в школу не ходила. Говорят, ее в психлечебницу возили... Ты вроде как это... Пугач?

– Это вас всех в психлечебницу надо! – Круглов постучал себя по голове. – Пугач... У вас крышу сносит, а потом вы черт-те что придумываете! И ко мне пристаёте. Тебе хоккея мало, ты иди на греблю, что ли, запишись – энергия дурная сразу снизится...

Сомёноква разрыдалась. Страстно, отчаянно, безнадежно, еще в пятом классе так выучилась, когда отец не купил телефон. Три минуты – и новенькая «Нокия» в кармане. Безотказное оружие, главное, не использовать его слишком часто. А так никто устоять не может.

Но Круглова не пробило.

– Ага, – кивнул он. – Истерика, охотно верю. Все с тобой понятно. – И отправился дальше.

– Стой!

Он остановился.

– Стой.

Сомёноква подошла к Круглову и достала из сумочки мобильник. Это была уже не старенькая «Нокия».

– Айфон, – поморщился Круглов. – Интересно...

– Четвертый, совсем свеженький.

Сомёноква протянула коммуникатор Витьке. На мобильник она копила почти год, расставаться с ним было жалко, но Любку на самом деле требовалось проучить. Телефоном придется пожертвовать.

– На.

– У меня такой есть, – опять зевнул Круглов. – И айпод тоже. И Пи-Эс-Пи новую я тоже заказал. Это я тебе так, на всякий случай говорю. Предвосхищаю полет твоей фантазии, так сказать...

– Ну я не знаю... Помоги, а?

– Она у тебя что, дружка увела, что ли? – ехидно осведомился парень.

– Нет! – Девушка опять покраснела. – Любка... Это без разницы. Я хочу ее хорошенько проучить. За что – неважно.

– Кого ее-то?

– Ты не знаешь, она в другой вообще школе... Мы вместе на катание ходим.

– А, понятно, вместе коньком ушибленные, так бы сразу и сказала.

Сомёноква скрипнула зубами.

– У тебя отец где работает? – спросил вдруг Круглов.

– В ГИБДД.

Он задумался примерно на минуту.

– Права сделать может? – спросил он.

– Кому?

– Мне, кому-кому.

– Так тебе еще шестнадцати нет, а учиться можно...

– Я не тороплю, – ухмыльнулся парень. – Я тебе сейчас помогу, ты мне потом. Как?

Девушка немного подумала. Через год она сама собиралась сдавать на права, отец обещал помочь. Если сказать, что Круглов ее друг, то поможет и ему. Наверное. То есть скорее всего.

– Хорошо, – согласилась она.

– Что – хорошо?

– Будут тебе права. Но не сейчас, года через два. Как?

Витька ухмыльнулся.

– Что? – Сомёноква на всякий случай обернулась – никого.

– Смотри, если надуеть...

– Вот еще! – фыркнула Сомёноква.

– Тогда надо обсудить детали, – сказал он. – Это такое дело, просто так...

– Пойдем в «Театральное», – предложила девушка. – Там недорого...

– Ты что, в самом деле коньком ушибленная? Кто ж такие вещи в кафе обсуждает? Нет, дорогуша, забудь. Тут нужна конспирация. Мы ведь не пирожками торговать собираемся. Пойдем ко мне, обсудим операцию.

– А ты где живешь?

– В Афанасове. Что, боишься уже? – Круглов зловеще ухмыльнулся.

Сомёноква подумала, что, может быть, она это все и зря.

– Не боюсь, – упрямо сказала она. – Поехали.

Глава II

Теория страха

– Ну, и где ты живешь? – ехидно осведомилась Сомёноква.

– Тут уже недалеко, – успокоил парень. – Минут пять осталось.

Автобус катил по частному сектору, мимо медленно проползали скучные одноэтажные дома с поленницами и пристроенными гаражами, девушка зевала и поглядывала на спутника с сочувствием. Жить здесь... У них и газа тут, кажется, нет, наверное, дровами топят. И туалет на улице, по принципу одной палкой опирайся, другой от волков отбивайся. Еще и кладбище недалеко, вспомнила она. Зброшенное. И Круглов там, наверно, конфеты с могил собирает. А потом их продает, на айфон собирает... Нет, это уже слишком, непохоже на него. Не собирает конфеты, просто подрабатывает копателем. За сдельную плату. Ну, или просто гуляет – фотографии на могилах рассматривает...

Автобус остановился.

– Вылезает, – сказал Витька.

И руки даже не подал, кавалер.

Выбрались на воздух. Дождь, невидимый, но противный, Сомёноква пожалела, что не взяла зонтик и не надела сапоги, а Круглову, кажется, непогода совсем не мешала – пугач самодостаточно пошлепал по лужам.

Пришлось догонять.

Они шагали по узенькой улочке имени Генералова. Никакого асфальта улице не полагалось, а полагались грязь, песок, лужи и мокрые собаки. Ее спутник был им явно знаком, а вот на нее они поглядывали с подозрением. И улица Генералова тянулась и тянулась, настроение у девушки ухудшалось пропорционально длине – в конце улицы дома совсем испортились, сужились, краска облупилась, крыши просели, а заборы завалились по сторонам. Заросшие сады, яблони, увешанные никому не нужными красными яблоками, на фоне опавшей листвы они смотрелись зловеще.

– Круглов, ты что, в сарае живешь? – спросила Сомёноква, вляпавшись в очередную лужу.

– Почти. Тут уже рядом. Метров пятьсот.

Улица Генералова неожиданно кончилась, вросла в землю, растворилась в зарослях рябины. То есть кончилась одна улица Генералова и началась другая. Совсем другая. С высокими кирпичными заборами. С гладким чистым асфальтом, с чугунными фонарями.

И с особняками. Не скучными загородными коттеджами, а с настоящими маленькими виллами. Настроение у Сомёноквой продолжило ухудшаться.

Они проследовали мимо всех особняков и углубились в лес. Здесь дорога была узкая, на одну машину, виляла между деревьями. Асфальт кончился, и они шагали вдоль обочины грунтовок под низко склонившимися рябинами, которые умудрялись стряхивать воду девушке прямо за шиворот.

Из-за очередного поворота показался дом, большой и красивый, окруженный высоким кирпичным забором, с воротами, похожими на ворота Зимнего дворца.

Сомёноква хотела осведомиться у Круглова, не устроился ли он истопником на полставки, однако почему-то подумала, что он вовсе не подсобный рабочий. Уж очень уверенно он приблизился к воротам и набрал код на домофоне.

– Проходи, – Витька толкнул ворота, они отворились с мягким звуком.

– Это что...

– Это то. Ты пойдешь или будешь и дальше восхищаться?

Девушка вошла и открыла рот. Сразу за воротами стоял «БМВ Х6». Новенький, блестящий, похожий на звездолет. Она не очень хорошо разбиралась в автомобилях, зато ее младший брат разбирался. И такой вот автомобиль изображался на плакате, висящем у него над койкой.

Она прищурилась, поглядела на корму машины. Так и есть, Х6. Белоснежный. Да...

– Это папашин, – пояснил Круглов. – Я ему говорил, купи «Ниссан», будь как все... А он мне про голодное детство в Кременчуге. А так ничего машинка, парковаться, правда, трудно.

Сомёноква вспомнила отцовскую «шестерку», починяемую раз в месяц. Вспомнила айфон и скандал, предшествующий его покупке. И опять покраснела. Только теперь от досады.

– Ну, домой-то пойдём или так и будем на него пялиться? – раздраженно спросил парень.

– Пойдём, конечно...

Круглов направился к дому. По кирпичной тропинке.

Девушке очень хотелось спросить, кто у него папа. Потому что она никогда не думала... И чего он в такую школу замызганную ходит?

– Слушай, Круглов, а зачем тебе права? – спросила она. – Тебе папа и так, наверное, купит...

– Купит, – кивнул он. – Только так неинтересно. Самому интереснее.

– Так ты пойдёшь поучись.

– Так я и пойду, – сказал Витька. – Поучусь. Это я так, на всякий.

Вблизи особняк еще больше походил на дворец. Кирпичный, трехэтажный, с железной крышей, коваными балкончиками, с флюгерами и башенками, только маленький. Возле крыльца торчали из травы уродливые глиняные гномы. Круглов толкнул дверь, она отворилась со старомодным скрипучим звуком.

Они оказались в холле. Сомёноква про себя вздохнула, в одном этом холле уместились бы две ее квартиры. На стенах картины, мебель разная, красивая в основном, странные люстры, похожие на бамбуковые обрезки, и вообще китайский стиль, отметила она. Фэн-шуй. У нее сестра в свое время тоже увлекалась, кровать ставила ногами на восток, пирамидки везде, шары прозрачные, Анна два раза поскальзывалась.

Из-за кресла выкатился младенец, погруженный в бегунки. Белобрысый, толстый, перемазанный шоколадом. В сером сиротском комбинезончике, в черных валенках. Странно одет, подумала девушка, трехэтажный дом, а одежда побродяжная, застиранная, древняя какая-то.

– Это Федул, – пояснил Круглов. – Мой брат.

– Здравствуй, Федул. – Она попробовала сделать доброе лицо, Федул испугался.

– Федул губы надул, – сказал Круглов. – Ладно, пойдём ко мне, поболтаем.

Он потащил Сомёнкуву к лестнице.

– Здравствуйте! – из кухни показалась молодая женщина, Сомёноква подумала, что сестра Круглова.

– Здравствуй, ма, – кивнул парень. – А это Сомёноква, она с вышки прыгает, чемпионка.

– Здравствуйте, – засмушалась девушка. – Я не прыгаю...

– Прыгает-прыгает, – перебил он. – Меня пришла агитировать. У них там мальчиков не хватает.

– Почему? – спросила мама.

– В прошлом году забыли воду в бассейн налить – трое юношей всмятку разбились, – объяснил Круглов. – Теперь соревнования под вопросом.

– Да... – мама сочувственно покивала. – А они разве не видели, что воды нет?

– Конечно, не видели, – сказал Витька. – Это же ночные прыжки. Новый вид, но на сочинской Олимпиаде уже будет представлен. Ладно, Сомёноква, пойдём, заполню анкету, что ли, отказ от претензий...

Они пересекли холл, стали подниматься по лестнице, Федул корчил вслед рожицы и грозил лопаткой.

Лестница скрипела, Круглов сказал, что это неслучайно – особая финская лестница, которая своим скрипом предупреждает о появлении злоумышленников, очень удобно.

Комната располагалась в конце коридора, парень снял с шеи ключ и открыл дверь. Девушка позавидовала в очередной раз за этот день – у него имелась собственная комната с собственным *ключом*.

Он толкнул плечом дверь.

– Дамы вперед, – улыбнулся Круглов.

Сомёноква вошла первой, ее спутник включил свет.

– Ого! – восхитилась она. – Это... Это что?

– Хоррор, пионерская готика, триллер, немного мистики. Отечественные авторы, Стивен Кинг, Лавкрафт. Вся классика, короче.

От пола до потолка, Сомёноква не видела никогда столько книг в одном отдельно взятом доме. И кассет. У них тоже когда-то хранилось много кассет, отец еще пять лет назад их выкинул, но, конечно, до этой библиотеки ей было далеко.

– Книги, фильмы, игры – компьютерные и настольные, есть даже второе издание «Дракулы», – похвастался Витька.

– Ты что, читаешь страшилки? – усмехнулась она.

– Читал. От одиннадцати до четырнадцати, как полагается. Теперь изучаю.

– С какой целью?

Круглов снял с полки книжку.

– В них наиболее полно отражается время. Коллективное бессознательное поколение. Все страхи, фобии и так далее. Теория страха, весьма и весьма полезная штука.

– А раньше зачем читал?

– А ты что, не читала? – он прищурился.

– Нет...

– Запомни мой совет, голубушка, – сказал парень. – Не доверяй людям, которые в детстве не читали страшилок.

– Почему? – не поняла девушка.

– Потому. Вот взять тебя. Ты не читала страшилок – и теперь собираешься сделать своей подруге серьезную гадость...

– Она первая начала!

– Ну конечно, – кивнул Круглов. – Она первая начала. И теперь ты собираешься ввергнуть ее в пасть безумия, все понятно. А вот если бы ты читала страшилки, то относилась бы к своим жалким личным катастрофам более философски.

– С чего это вдруг? – насупилась Сомёноква.

– Долго объяснять. Страшилка всегда четко разделяет добро и зло. И добро в ней, как правило, побеждает. То есть, по сути, каждая страшилка – это урок динамической добродетели. Укрепление души. А ты... – Он посмотрел на девушку пристально. – Ты, наверное, Достоевского любишь?

Она опять покраснела.

– Все с тобой понятно, госпожа Мармеладова. Сначала своей подруге устроишь фантастическую гадость, потом будешь четыреста страниц каяться, улучшать духовность. Знаем.

– Я не хочу фантастическую гадость, я хочу немного напугать.

– Насколько немного? – спросил Круглов. – До седых волос? До памперсов? Как?

– Немножко... – показала пальцами Сомёноква. – Чтобы ей тоже плохо было.

– Ну-ну...

Витька вернул книжку на полку, устроился за компьютером.

Девушка чувствовала себя некомфортно. Воробьем, наприсившимся в гости к королевской кобре, примерно так. Особняк, машина, компьютер, осьминог с пристальным взглядом на

стене. Аквариум пустой, с каким-то прахом... Нет, вроде не пустой, в мусоре шевельнулось что-то коричневое. Раков он там, что ли, содержит?

– Ты садись в кресло, – пригласил Круглов.

Сомёнова села. Кресло оказалось удобным, обхватило за плечи, и ей даже показалось, что начало ее укачивать.

– Так ты говоришь, эта Любка тебя... С лестницы столкнула?

– Хуже. Какая разница? Я хочу ее напугать. Чтобы... Напугать, короче.

– Не всякого человека можно напугать, – рассуждал хозяин комнаты, сидя за компьютером. – Совсем не каждого. Есть такие люди, которые в принципе не пугаются. Очень светлые, очень добрые. Вот моя двоюродная сестра Танька. Она просто помешана на хорроре. Книжки, фильмы, игры – все то же самое, что и у меня почти. И при этом совершенно светлый человек – карате занимается, в художку ходит, отличница. Вот ее ничто не напугает, она сама кому хочешь в лоб засветит.

– Любка не такая, – сказал Сомёнова. – Она не отличница. И не светлая. Она, наоборот, вредная. Она сплетница известная.

– Это хорошо. А как насчет фантазии? Есть люди с такой буйной фантазией, которые от черной кошки с утра к вечеру такого навыдумывают, что потом валерьянкой три недели отпаиваются. А есть, наоборот, вообще без фантазии. К таким Годзилла заглянет, а они даже не икнут. Любка твоя как?

– Фантазия у нее есть, – заверила девушка. – Даже ого-го какая фантазия, такие сплетни гадкие придумывает, прямо тошнит! А уж стишки...

– Какие стишки?

– Никакие. Если фантазия есть, то, значит, получится напугать?

– Для нас нет ничего невозможного, – ухмыльнулся Круглов. И подмигнул. Кому-то за спиной Сомёновой, так что она аж оглянулась. – Вообще расскажи о ней подробнее. Для начала внешность...

– Вот, у меня фотография.

Она достала мобильник, сунула Витьке.

Он принялся разглядывать фото, приблизив к экрану нос. Это продолжалось довольно долго, Круглов шевелил бровями, размышлял, хмыкал.

– Ага, – сказал он с удовольствием. – Ну, я думаю, все.

– Что все?

– Попала твоя Любка, вот что. Вот смотри, – он ткнул пальцем в экран. – Вот здесь, на левом лацкане пиджака, у нее булавка приколотая. Это не просто так...

– То есть?

– Это от сглаза, – пояснил парень. – Все сплетницы ужасно боятся сглаза – давно известный факт. Они чувствуют за собой вину и стараются от нее отгородиться заранее. Вот еще этому подтверждение. Видишь эту штуку?

– Крест с кольцом? Ну и что?

– Это не крест с кольцом, это анх. Или анкх. Египетский символ жизни. Такую штуку вешают... либо по молодости, либо... Анх отгоняет злые силы. В сочетании с булавкой... Твоя Любка мнительная особа... Теперь припоминай.

– Да... – Сомёнова оглядывала комнату. – Она точно мнительная...

– Припоминай, говорю! – сказал Круглов уже строго. – Слушай меня или проваливай, это не я к тебе в гости напросился!

– Ладно-ладно! – Она сложила руки.

– Рассказывай. Все рассказывай про Любку. Что она любит, какие книги читает, ходит ли в кино. Через левое плечо плюет? Цвет одежды. Любимый киноактер... Хотя и так понятно, Джонни Депп.

– Да, Джонни Депп... А ты откуда знаешь?

– Рассказывай про Любку, не отвлекай мозг.

Гостя стала рассказывать.

– Любка она такая... Она музыку любит. Все трепетя, какая у нее интересная школа раньше была, как она учиться там любила...

– Поменьше лирики, – посоветовал Витька. – Не надо заходить на цель, как пикирующий бомбардировщик, детский сад, соседи по горшкам, сладостный Солигалич... Рассказывай кратко. Но ясно.

– Хорошо. Она ничего не читает, иногда детективы только. Через левое плечо плюет, помню. Черных кошек боится...

– Черных кошек боится? – переспросил он.

– Да, я два раза видела. Одевается плохо... То есть неопрятно совсем.

– Не про это, – перебил Круглов. – Опрятно-неопрятно – меня не интересует. Цвет. Что выбирает больше. Темную одежду или светлую?

– Темную, – сразу же ответила Сомёноква.

– Фиолетовые предметы есть?

– Есть... Куртка у нее фиолетовая.

Парень зловеще ухмыльнулся.

– А что? – насторожилась девушка. – Фиолетовый цвет – он что, неправильный какой-то?

– Кино какое любит? – не стал отвечать на вопрос Круглов.

– Да какое-какое, как все кино любит. Про вампиров саги... А у меня штаны фиолетовые...

– Можешь дальше не продолжать, – остановил хозяин комнаты. – Все понятно.

– Ты уже придумал, как ее испугать?

– Ага, – кивнул он. – Придумал. Это легко.

– Легко?

– Ага. Вот.

Витька подошел к книжной полке, снял книжку, сунул Сомёноквой. Та стала листать. Круглов уселся в кресло и ждал.

– «Бука»? – спросила девушка. – Ты что, серьезно? Это же для детей, это же сказки...

– Как раз то, что надо. Любая сказка построена на архетипе...

– Чего? – не поняла она.

– Ну да, это я сгоряча, пожалуй, буду по-простому. Самые примитивные страхи – самые действенные. Темнота, ночные звуки, шорохи в стенах – они не на разум воздействуют, сразу на чувства. А в страшилках собраны как раз самые примитивные страхи. Вот для чего нужны сказки? – Круглов уставился на Сомёнокву. – Ну, отвечай? Зачем нужны сказки?

– Сказки нужны... – Она почесала затылок. – Не знаю...

– Сказки учат детей бояться, – объяснил Витька. – Не открывайте дверь чужаку – это волк, он вас съест. Не ходи одна в лес – там Баба-яга. Не ходи к реке – там водяной. Дети читают – и трясутся от страха. И не открывают, не гуляют, не лезут, не тонут. Вполне утилитарные функции. У страшилки, в принципе, то же. Только на современный лад. Буку, бабая, Бабу-ягу человек начинает бояться раньше всего. И именно это глубже всего в мозги и въедается. – Круглов постучал себя по голове. – На этом и сыграем. Нужна только точка кристаллизации...

– Что?

Сомёноква чувствовала себя законченной душой, это было весьма неприятное чувство.

– Зацепка, – пояснил парень. – Кино про вампиров видела? Вампир не может войти в дом без приглашения, так и тут. Она должна впустить нас. То есть она должна, сама того не ведая, вовлечься в нашу игру. Для этого и понадобится «Бука». Это как раз то, что надо. Ты

будешь это читать при каждой вашей встрече и делать вид, что тебе очень-очень интересно. Она попросит...

– Она не попросит, – сказала гостя.

– Она должна попросить. И она попросит. Сначала поинтересуется, что это, а ты не ответишь. И ей станет гораздо интереснее, и в конце концов она возьмет эту книжку почитать. А потом... – Круглов почесал нос. – У меня есть некоторые интересные идеи, потом тебе расскажу. А пока книжка. Скажешь, что эта книжка неизвестная, от неизвестного автора.

– Так в Интернете же легко все проверить, – попыталась возразить девушка.

– Ничего она не найдет в Интернете. – Он помотал головой. – Во-первых, я слегка доработаю текст. Упрощу, поменяю имена и прочее, опознать его будет нелегко. Во-вторых, мы его распечатаем на принтере без начала и конца – для загадочности. В-третьих, ты скажешь, что нашла книжку на кладбище.

– Как?

– Нашла на кладбище. Не на могиле, конечно. В портфеле. Черный такой портфель, новенький, лакированный, ты как увидела, так он тебя к себе как бы поманил.

– Я что, дура, по кладбищам гулять? – спросила гостя.

Круглов потер лоб.

– Трудно нам с тобой будет, Сомёноква, – сказал он. – Дремучий ты человек, точно Изергиль.

Она в восьмой раз пожалела, что связалась с этим Кругловым. Все шло не так, как она предполагала, как-то совсем уж по-дурачки, по-глупому. Она хотела даже встать и уйти, но потом вспомнила Любку. Ее торжествующее лицо, и как все смеялись, а она стояла дура душой...

– Понимаю, – покачал головой Круглов. – Этот человек должен быть строго наказан. Мести резоны перевешивают разума бозоны. Хвалю, ты просто вылитая Хель в профиль.

– Какая еще Хмель...

– Хель, – поправил он. – Богиня смерти и мести у древних скандинавов. В твоей родне нет викингов?

– Я...

– Тсс! – Витька приложил к губам палец. – Тише, голубушка, тише. Не надо слов, надо дел. Вернемся к нашему кладбищу. Это неважно, гуляла ты или не гуляла. Скажешь, что ходила навестить прадедушку. Возложить цветы, омыть обелиск. А потом возвращалась – и увидела портфель. А вокруг никого совсем, то есть кладбище словно вымерло. Ты походила туда, походила сюда, а потом решила поглядеть, что там. А там рукопись в бутылке... То есть в папке. В папке еще записка лежала, от руки написана. А в записке предупреждение – что эту книгу нельзя читать и все такое прочее, что все восемнадцать человек, которые эту книгу прочитали, все они померли. Ясно?

– Да.

– Все, это твое первое задание.

– И все? – удивилась Сомёноква.

– Пока да.

– И как скоро? Ну, как быстро все это случится? Когда Любка перепугается?

– Месяца полтора-два, не меньше.

– Не пойдет, – помотала головой гостя. – Полтора месяца – слишком долго, у нас соревнования через месяц...

– Ах вот как оно! – рассмеялся Круглов. – Так, значит, все гораздо прозаичнее. Я думал, ты пынешь праведным гневом, а ты всего-навсего вульгарно завидуешь. Это все осложняет.

– Почему осложняет? – не поняла девушка.

– По банально-энергетическим причинам, – ответил он. – Мечь – очень сильное чувство, его разыграть легко. Энергетический потенциал зависти почти нулевой, если не отрицательный...

– Нет, я ей именно отомстить хочу! – возразила Сомёноква. – Она меня... меня... А если она еще в соревнованиях проигрывает, то это ей очень не понравится! Очень! Я все равно в тройку не войду, а Любка может и первое место занять. А соревнования через месяц как раз...

Витька задумался. Достал свечу, зажег, по комнате поплыл запах воска.

– Месяц... Это, конечно, сложнее. Придется, проводить обряд.

– Ка-акой еще обряд? – насторожилась девушка.

– Самый простой. Ты кровь сдавала?

– Да, все сдавали...

– Тогда не испугаешься. – Круглов подмигнул. – Надо немного, граммов пятьсот.

– Для чего? – Сомёноква погладила предплечье.

– Я же тебе говорю – для обряда. Чтобы пугнуть твою Любку по полной, до ногтей чтобы пробрало. Разбудим властителя четырех стихий...

– Какого еще властителя?

– Того самого.

Она открыла рот.

Парень расхохотался.

– Тебя как зовут, кстати, Сомёноква?

– Аня.

– Анна с Магадана, очень приятно. Так вот, Анна, в твоём возрасте пора понимать юмор. Никому не нужна твоя драгоценная кровь, это я так, в порядке нагнетания. Не переживай, ввергнем твою Любку, займет пятое почетное место. Но твоя помощь все равно понадобится.

Гостья кивнула.

Круглов вернулся к компьютеру.

– А ты кем хочешь быть? – спросила Аня. – Потом, после школы?

– Монстрологом, – ответил он.

– Это кто?

– Тот, кто ловит монстров. Видит – монстр – и ловит, видит, и ловит, а потом им раз – и... Разбираюсь подручными средствами. Понятно.

– Понятно. А это? – Сомёноква указала на стену. – Что за осьминог?

– Это не осьминог, дура, это Ктулху.

– Кто?

– Ктулху, демон вод. Ладно, тебе лучше не знать.

– Ничего картина, поганая...

Картина ей не то чтобы понравилась, скорее произвела впечатление. Напугала. Нарисовано было очень и очень. В мрачно-болотных, чрезвычайно депрессивных тонах. Вообще сначала она не очень поняла, что на картине изображалось, какие-то горы, камни, огромные черви, кишасшие в смрадных ямах, жирные глаза, похожие на озера гноя, и перепончатые крылья, похожие на сгнившие паруса затонувших кораблей, в один момент зрение Сомёноквой расфокусировалось, и все эти детали сложились в картину ужасного существа, спящего на стенах чудовищного города, едва просматривавшегося сквозь толщу моря.

– А кто нарисовал?

– А, был один художник... Сейчас в твоей любимой психушке.

– Почему?

– Такие картины даром не рисуют.

– Ясно. А написано там что? Ктулху Р'льех вгах, нагл фхтагн... Что за бред?

– Перевожу для несведущих. Ктулху видит тебя, жалкая креветка. И в урочный час он наколет всех грешников на пронзительный шип и утащит в сумрачный город Р'льех, где они будут мучиться вечно. Примерно так. Но ты не об этом думай, ты пока книжку читай, а я распечатку приготовлю.

– Ясно...

Дурак, подумала Аня. Ну и пусть. Зато Любка перепугается.

– Ясно, – повторила она. – А вообще... Бука – это кто?

Глава III

Bloop

– Так кто такой бука? – спросила Сомёноква. – Нет, я понимаю, он под кроватью сидит...
– Под кроватью бабай, – поправил Круглов. – Бука – он везде. Но обычно он стоит у тебя за спиной. Поэтому, кстати, в Древнем мире не принято было резко оглядываться – чтобы не увидеть буку. Потому что если ты его увидишь – все, смерть.

Они шагали по лесу. К дому Круглова, только дальней тропинкой, кружной, через лес.

– Ты книжку-то читала?

– Читала. Только там непонятно все. Какие-то друиды, баньши, бука этот...

– Бука... – Витька покачал головой. – Вообще это из кельтской мифологии происходит.

Пес, предвещающий смерть. Конечно, пес в широком понимании.

– Как это?

– Так. Вот взять Цербера – вроде как пес, но на самом деле скорее дракон. Так и бука. Он может совсем на собаку не походить, но так уж называют – пес. Если, допустим, убивали кого-то из клана, а убийцу найти не удавалось, то клан шел к ведьме. Ведьма требовала душу, а взамен отправляла по следу убийцы мстителя. Буку то есть. И он не останавливался, пока убийца не сходил с ума или не накладывал на себя руки.

– А что он делал? Ну, бука?

– Ну, в основном он просто выл под окном по ночам. Иногда громко, иногда тихо. А еще он бродил.

– Бродил? – не поняла Сомёноква.

– Ну да. Он преследовал... То есть иногда показывался, изводил, оставлял следы. И так до самого конца.

– А тот, кто хотел отомстить? – спросила Аня.

– Я же говорю, он отдавал душу. Все просто.

Девушка поежилась. Было холодно, на тропинке никого, кроме них, не было, сосны шумели неприветливо и по-зимнему. Вроде и жилье рядом, а местечко глухое.

– Когда там у вас соревнования, говоришь?

– Через месяц.

– Через месяц... Надо спешить, если через месяц.

Остановились на мостике. Круглов покачал перила, Сомёноква испугалась, схватилась за кругловскую куртку.

– Спокойно, графиня! Берегите нервы, они вам еще понадобятся. Принимайте женшень с лимонником.

Справа хрустнули ветки. Аня вцепилась в руку своего спутника.

– Отпусти-ка, – шепотом попросил он. – Ты мне прямо ногтями впилась, всю кожу ободрала...

– Там собака! – испуганно прошептала Сомёноква.

– И что? Тут полно собак, здесь кладбище недалеко.

– Что они на кладбище делают?

– Как что? – Круглов осторожно убрал ее руку. – Понятно что, могилы раскапывают. Сейчас копатели ленивые пошли, лодыри страшные, работать не любят. Могилы неглубокие роют, особенно за муниципальный счет. Опять же за муниципальный счет гробов не полагаются, закапывают в пластиковых мешках...

Аня побледнела.

– Ты хочешь сказать, что эти собаки питаются... мертвецами? – почти всхлипнула она.

– Можно сказать и так, – задумчиво кивнул парень. – Впрочем, все так или иначе питаются мертвецами. Человеческий вид за всю свою историю насчитывал примерно сто миллиардов особей. То есть мертвецы, собственно, везде. Прах к праху, как говорится.

Сомёнок боязливо огляделась.

– Шучу, – сказал Круглов. – Шучу. Нет на кладбище никаких собак...

– Но я же только что видела!

Он помотал головой.

– Это енот, – сказал он. – Тут енотов полно. Ты книжку читаешь?

– Читаю.

– Объект проявляет интерес?

– Вроде да...

– Что значит – вроде? – спросил Витька.

– Ну, я как бы случайно оставила в раздевалке, а она разглядывала. А я у нее отобрала, сказала, что лучше это не читать...

– Молодец! – похвалил Круглов. – Ты не безнадежна. Первый шаг сделан, поздравляю. Теперь ты должна книжку забыть... Кстати, ты восклицательные знаки красной ручкой делала? На полях?

– Делала...

– Отлично. Теперь это.

Круглов достал булавку, зажигалку, красную пластиковую ручку. Чиркнул зажигалкой, поднес огонь к ручке. Пластик вспучился, почернел и стал лопаться неопрятными бордовыми пузырями. Парень выключил зажигалку, взял булавку, погрузил круглый конец в пластик, поворачивал. Извлек булавку из расплавленной пластмассы, подул на нее. Пластик застыл, получилось похоже на косматую черно-красную голову. Довольно неприятную. Круглов уронил булавку под ноги, в песок и мусор, немного потоптал ее носком ботинка. К черно-красному цвету добавился песок, грязь и непонятные ворсины, то ли чья-то шерсть, то ли перепревшая трава.

– И что это? – спросила Сомёнок.

– А фиг его знает... Выглядит поганно, а?

– Поганно... Омерзительно просто.

– Вот и Любка так подумает. Решит, что это сглаз... Похоже ведь, а?

– Я не знаю...

– А она знает. Держи. Потом, когда она прочитает книгу, ты воткнешь булавку в дверцу ее шкафчика.

– Зачем?

– Да просто все. Я же тебе говорил – все сплетницы верят в сглаз. Она увидит эту булавку и начнет думать, что ее кто-то смалевать хочет... Ну, заколдовать то есть.

Круглов поместил булавку в спичечный коробок, сунул его Ане.

– Не потеряй.

– Ладно... Что дальше-то?

– Наше приключение вступает во вторую стадию, – пояснил ее спутник. – Эксперимент один надо произвести...

– Какой? – Сомёнок на всякий случай нащупала в кармане перцовый баллончик.

Витька ухмыльнулся.

– Баллончиком надо уметь пользоваться, – сказал он. – А ты его с предохранителя снять забыла.

Аня вынула свое оружие из кармана.

Круглов незаметным движением выхватил баллончик и направил его на нее. Девушка отступила, зажмурилась.

– Глупо покупать оружие, если не умеешь его применять, – изрек он. – Завела пистолет – учись стрелять. Купила слезогон – учись брызгать. Иначе тебе же будет хуже. Тебя твоим баллончиком и обезвредят. Лови.

Сомёноква открыла глаза. Круглов вернул ей баллончик.

– Послушай, Анна с Магадана, ты что такая перепуганная, а?

– Не знаю...

– Не бойся – я с тобой. А эксперимент сугубо безвредный – мы музыку немного послушаем? Ты любишь музыку?

– Да... То есть нет...

– Вот и отлично!

Он подхватил девушку под руку и пошагал прочь с мостика.

Шагал он быстро и целеустремленно, Сомёноква за ним не успевала – мешали каблук и слишком узкое пальто, получалось, что Круглов ее почти волок. Где-то через полкилометра он вдруг резко свернул в лес и пошел напрямик, Аня завязла и стала злобно пыхтеть.

– Застряла? – спросил Витька.

Она злобно фыркнула.

– Понятно, – сказал он. – Стой, не шевелись.

– Я думала, мы как тогда пойдем...

Круглов приблизился, посмотрел на ее туфельки и неожиданно подхватил ее на плечо.

– Ты чего?!

– Килограммов сто, – крикнул он. – Сразу чувствуется спортсменка. Не дергайся, а то рухнем в канаву.

Сомёноква замерла. Круглов тащил ее через лес и читал лекцию о мести с примерами из мировой истории и мировой же литературы. Она слушала. В принципе она была с ним согласна: месть – это нехорошо. Даже очень плохо. Месть разлагает душу, и прочее и прочее. И она готова была простить Любку...

Если бы не одно «но».

– Вот и пришли уже, – сказал парень и поставил Аню на землю.

То есть на асфальт.

Они стояли возле двери в сплошном кирпичном заборе.

– Задняя дверь, – пояснил Круглов. – Калитка, ведущая на торфяные болота, стучать три раза.

Но сам он стучать не стал, воспользовался ключом.

От задней калитки к дому вела галерея, крытая пластиком и увитая высохшим коричневым плющом.

– Здорово, – сказала девушка. – Тоннель настоящий...

– Тут еще подземный ход вроде как имеется, – сообщил ее спутник. – Зброшенный. Раньше тут была барская усадьба, от нее еще остался. Но туда мы не полезем.

– И на том спасибо, – вздохнула Сомёноква.

Они вошли в дом и сразу поднялись наверх, в комнату Круглова.

– Надо кое-что послушать...

Витька устроился за компьютером, покопался в папках и запустил проигрыватель. По углам комнаты зашуршало, помещение словно наполнилось неожиданным объемом, Аня вдруг почувствовала себя как в концертном зале.

– Это хай-энд система, – пояснил парень. – Полный эффект присутствия. Пока послушай, а я схожу за чаем. Ты чай будешь?

– Буду.

– Вот и отлично. Я скоро.

Круглов запустил воспроизведение и удалился, Сомёноква осталась одна.

Она устроилась поудобнее в кресле, стала слушать. Ничего. Потрескивание и похрустывание. Девушка начала подозревать, что это очередная шутка Круглова, оставил ее послушать скрип, а сам стоит за дверью и ржет. Анна попробовала подняться из кресла, но тут она услышала, то есть скорее почувствовала – по коже побежали мурашки. Сомёнок решила, что это сквозняк, и попробовала поплотнее закутаться в плащ, не помогло – мурашки становились все крупнее и крупнее, размером с пшено. Холодно... С чего это вдруг холодно...

И никакого звука. Но в комнате что-то появилось, девушка чувствовала это вполне определенно. Нечто постороннее.

– Круглов... – негромко позвала Аня, – выходи. Ладно уже...

Звук.

Он появился где-то под диваном. Низкая неприятная вибрация, она поползла по полу, собралась в плотные сгустки и прорезалась протяжным дребезжащим гулом, который почти сразу же перешел в рев.

Сомёнок почувствовала, как зашевелились волосы на голове. Потому что это...

Не рев все-таки, вой. Мычание... Или ворчание... Волки, соскучившиеся по свежей крови, по теплему мясу, стая. Целая стая, небольшая такая, в полтора миллиона. И все эти волки выли в один голос и в одну сторону. В сторону Ани.

И с каждой секундой вой становился все громче, и громче, и громче, и...

Девушка вскочила и кинулась к двери. Она не могла находиться с этим звуком в одном объеме, надо было бежать. Прочь, выскочить, пробиться... Сомёнок ухватила за ручку и стала дергать. Изо всех сил. Сломала ноготь, почти не заметила, дергала...

Дверь отворилась. В другой стороне на пороге стоял Круглов. С подносом, на котором дымились чайные кружки.

– Что с тобой? – спросил он. – Испугалась?

– Тут душно... – Она попыталась расстегнуть пальто. – Жарко... Я дверь хотела открыть.

– Тут открыто, – сказал он. – Надо не тянуть, а толкать... Ты что, испугалась?

Аня успокоилась. То есть попыталась. Звук исчез. Оборвался, растворился, может, его и не было совсем...

– Подействовало? – спросил Витька.

– Кажется... Что это? Что это было? – прошептала она.

– Влоор.

– Блуп?

– Блуп. В две тысячи восьмом американская атомная подлодка зафиксировала в южных районах Тихого океана этот звук. Предположили, что это большое стадо китов, решили подойти поближе. Однако чем больше сокращалось расстояние, тем более странные вещи начинали происходить. Капитан успел передать сам звук, а также сообщение о том, что на борту лодки вспыхнул мятеж, что матросы убивают друг друга. А потом связь с лодкой была потеряна, и лодку эту никогда не нашли.

– Совсем? – спросила Аня.

– Совсем. Звук проанализировали на суперкомпьютерах НАТО.

– И что?

– Выяснилось, что это не стадо китов. Уже первичный анализ показал, что звук испускало одно существо.

– Какое?

Круглов промолчал.

– Вообще, страшно... – вздохнула Сомёнок. – А где ты его раздобыл? В Интернете?

– В Интернете полно подделок. То есть там все эти звуки, только они ненастоящие... Этот настоящий. Понравилось?

– Не-ет...

- И Любке тоже не понравится. Где она живет?
- В Бухарове...
- В двухэтажках? – воодушевился парень.
- Ну да, там... А что?
- Знаешь, Сомёноква, это даже неинтересно. Все просто само в руки идет, без всяких усилий. В двухэтажках? Это в тех, что желтого цвета, на отшибе еще стоят?
- Ага.
- Прекрасно. И на первом этаже, конечно же?
- На первом, да...
- Чудеса случаются. Радуйся, зловещая девушка, к нужному сроку твоя Любка будет лечит нервы гомеопатическими средствами. А пока начинаем действовать. Завтра я собираюсь как раз... Завтра.
- Может, расскажешь? – спросила Аня. – Ну, про свой план? Там ничего противозаконного нет?
- Нет, конечно. Мой план... Мой план, знаешь ли, гениален.

Глава IV

Бухарово

В три позвонила Сомёноква.

– Роман дочитан, – сказала она и отключилась.

Круглов начал действовать. Зарядил плеер Блупом, подготовил систему. Два динамика и сабвуфер. Резиновые перчатки, бутылку черных чернил для принтера. Погрузил все это на скутеретту, пылившуюся в гараже. Достал из подвала кресло-палатку. В прошлом году они собирались на рафтинг. Полярный Урал, черная смородина, москитос... Но у отца случился новый объект, и снаряжение не пригодилось. А сейчас пригодилось. Круглов сложил кресло, на шею повесил бинокль. На бок – термос, в термос – какао. Рюкзак еще, не очень большой, средней вместимости, в него уложил пугальное оборудование.

Собравшись, он закрылся у себя в комнате, лег спать и проспал около трех часов. Ровно в семь, когда на улице уже почти полностью стемнело, отправился в путь. Долго вилял по городу, а потом и по пригородам, пробирался вдоль гаражей, расположенных возле железной дороги, затем по лесным тропинкам. Остановился в километре от Бухарова, спрятал скутеретту – предварительно сняв аккумулятор, уложил машину на бок, накрыл маскировочной сеткой, затем засыпал листьями. Уложил батарею в рюкзак и отправился к Бухарову.

К Бухарову оказалось пробраться не так уж и просто, Круглов два раза наткнулся на ручей и пруд, но к желтым домам все-таки выбрался – благодаря навигатору в телефоне.

Поселок просматривался хорошо, в двухэтажках горели желтые фонари и синие экраны телевизоров, он отыскал дом № 24, вторую квартиру и стал наблюдать. Ничего интересного, шторы. На кухне дородная женщина жарила картошку, вряд ли это Любка, наверное, ее мать. Самой Любки не видно, однако в крайней комнате горел свет и по шторам бродили тени.

Витька достал из рюкзака игрушечный пневматический винчестер, бьющий пластиковыми черными шариками. Начал стрелять. Было далеко, почти двести метров, приходилось стрелять по дуге.

Попал с восемнадцатого раза. Шарик дзинькнул по стеклу. Ничего, к окну никто не подошел. Круглов был терпелив, он зарядил в винчестер еще сорок шариков и продолжил обстрел. В этот раз он стрелял более метко, следующая пулька щелкнула по стеклу уже через пару минут.

Шторы откинулись, и на фоне окна показалась девушка. С косой. Любка, Круглов опознал ее по фотографии. Она прилипла к стеклу, сделала ладонями домик, стала вглядываться во мрак. Смотрела долго, но так ничего и не высмотрела, задернула шторы, парень убедился, что Любка живет в этой самой крайней комнате.

Оставалось ждать. Круглов был терпелив, он накрылся палаткой, устроился поудобнее в раскладном кресле, вытянул ноги. У него имелся вполне сложившийся план, простой, но, как он предполагал, эффективный, рассчитанный примерно на две-три недели. В конце третьей недели он собирался поставить жирную точку, для чего требовалось организовать некое драматическое представление, впрочем, об этом он собирался подумать позже.

Час, два, три, примерно в одиннадцать Любка выключила свет – спортивный режим. Еще через полчаса свет погас уже во всей квартире. Круглов размял затекшие ноги, сложил кресло, убрал все в рюкзак и направился к рыжему дому. Перед домом оказались грядки, и парень немного завяз в ботве и упал, воткнувшись в гнилую тыкву. Ничего.

Дальше он действовал просто. Достал аккумулятор, подсоединил к нему крокодилы трансформатора и через него плеер. Динамики прикрепил струбциной к жестяному подоконнику, сабвувер приставил к стеклу, зафиксировал двумя присосками. Нажал на воспроизве-

дение. Теперь следовало действовать быстро и аккуратно. Натянул на руку резиновую хозяйственную перчатку, капнул на нее краски для принтера, размазал ее по резине и приложил к стене под окном, отведя в сторону большой палец. На желтой штукатурке остался четырехпалый отпечаток, вниз потекли угрожающие черные капли.

Круглов с хлопанием стянул перчатку, спрятал в пакет. Добавил громкости на плеере. Завыли собаки в соседнем доме, сразу несколько.

В квартире что-то упало, тяжелое и стеклянное, похоже, аквариум. Закричали. И еще что-то опрокинулось, теперь уже глухо, как полка с книгами. Круглов выключил плеер, быстро покидал в рюкзак батарею и динамики и рванул через огороды к лесу. Добежал до кустов и обернулся. Свет горел во всем доме. Перед окнами мелькали тени, кто-то кричал, кто-то ругался, возле окна своей комнаты стояла Любка и опять вглядывалась в ночь, он ясно разглядел ее почему-то чуть желтоватое круглое лицо.

Витька довольно ухмыльнулся, вытянул из кармана телефон, запустил навигатор и отправился к скутеретте. Он с изрядным трудом преодолел пятьсот метров по ночному лесу, не спеша, стараясь не запнуться и не сломать ногу, перебрался через ручьи и низины и вышел к точке, где оставил мопед...

Машины не было. Круглов огляделся. Ночной лес был удручающе однообразен, навигатор указывал точку с разбросом в три метра, парень облазил эти три метра и ничего не нашел. Сверился с навигатором еще раз. Ошибки не было. И скутеретты не было тоже. Светила луна, лес достаточно свободный, не густой, видно метров на двадцать.

Круглов почувствовал раздражение, выходить из лесу пешком не очень хотелось, да и вообще... Чертовщина какая-то. Он поглядел в небо. Небо как небо, темное, звезд немного, скорее всего из-за луны, которая светила слишком ярко, спутников не видно, но они где-то там есть, висят над закишей атмосферой. Сбой навигатора. Круглов решил перезагрузить смартфон, нажал на кнопку сбоку, аппарат выключился, а обратно уже не включился.

Батарея села. Сразу и вдруг. Хотя Витька предупредительно зарядил ее еще с утра. Он потряс аппарат, осторожно постучал его о ногу. Бесплезно, экран оставался темным.

Круглов хмыкнул. Получалось весело – он оказался один в ночном лесу. С аккумулятором, плеером и динамиками, с пластиковым ружьем в качестве самозащиты. Смешно.

– Я очень разочарован, – сказал Круглов. – Я очень разочарован продукцией яблочной компании. И если сейчас эта продукция не придет в себя, я хлопну ее о ближайший дуб! Или о сосну!

Когда отказывал очередной технический гаджет, он не спешил тащить его в ремонт. Он доставал аппарат и начинал его ругать. Надо было делать это максимально искренне и зло, и очень часто это имело эффект – техника просыпалась.

Сейчас прием не сработал, смартфон не запустился.

– Вышвырну к чертовой матери! – пообещал парень. – Прямо сейчас!

Коммуникатор оказался упорнее, Круглов вздохнул, спрятал прибор в карман. Из леса придется выбираться вслепую.

– Ладно, – сказал парень. – Тогда пойдем сами.

Он поправил рюкзак и двинулся налево. Хотя вполне мог пойти и направо.

Попробовал ориентироваться по луне, но очень быстро пришел к выводу, что на луну надеяться нельзя – она то и дело пропадала за верхушками деревьев и за облаками, а то и вовсе исчезала, вдруг, без предупреждения. Боялся он не очень, особо теряться здесь было негде, куда ни иди, выбредешь к железной дороге, или к обычной дороге, или к поселку, просто не очень хотелось бродить до утра по лесу. И ночевать не хотелось...

Хрустнула ветка.

Круглов остановился.

Он прекрасно знал, что ночной лес наполнен разными звуками, что бояться этого особо не стоит – ветки могут хрустеть и сами по себе, шишки могут падать...

Еще.

И этот хруст Круглову уже не понравился. Потому что он походил на шаг.

Шагать может кто угодно, тут же подумал Круглов. Особенно в ночном лесу. Еж. Лиса. Енот, еноты тут вполне могут бродить. Или собака одичавшая, динго какое...

Еще шаг.

Круглов остановился. Сердце билось громко, мешало прислушаться по-хорошему, почти минуту он утихомиривал его, а потом... Потом он услышал тишину. Лес не звучал. То есть никак вообще, точно его сверху накрыли ватой.

– Эй! – позвал Круглов.

Никто не ответил.

– Ладно... – сказал Круглов и двинулся дальше.

Шаг. Другой. Третий. За ним явно кто-то следил.

Круглов резко обернулся.

Глаза. Красные. Кто-то стоял в нескольких метрах от него, в тени широкой разлапистой ели.

Вздых. Печальный и протяжный, совсем рядом, только руку протянуть.

Глаза медленно растворились. Показалось... Точно, показалось. Темнота, воображение разыгралось, Круглов сдержал желание сорваться и дернуть через лес...

Он этого только и хочет. Чтобы я побежал. Я сорвусь, а он за мной. Будет скользить рядом до тех пор, пока я не запнусь и не поломаю ноги. Тогда он со мной разберется без всяких проблем. Он – кто?

Волк. Лето было не очень сытное, волки показались...

Если волк, почему тогда красные? Медведь тогда? Нельзя стоять, надо уходить...

Круглов попробовал шагнуть. Ноги вросли, Круглову даже показалось, что он провалился в густую вязкую глину, он попробовал пошевелить пальцами – они шевелились, а ноги вот не двигались.

Еще вздох. Это страх. Страх, от страха люди сходят с ума, от него они и гибнут. Круглов попытался взять себя в руки. Никого. Он оторвал правую ногу и сделал шаг.

Вздых. Рядом, за деревьями.

Круглов сдвинул левую ногу. Под коленками задергался нерв. Круглов собрался и пошел вперед. Куда-то, может быть, кстати, и назад. Надо было идти, не останавливаться, ни в коем случае не останавливаться, идти хоть куда-то. Преследователь не отставал. Шаги были странные, очень и очень. Неравномерные. Несколько шагов – тихо, еще несколько шагов – и снова тихо. То справа, то слева, то шаг, то два...

Вздохнули почти над самым ухом.

Витька не выдержал. Он на ходу достал из рюкзака аккумулятор, сам рюкзак отбросил в сторону и побежал. Быстро, как только мог, захлебываясь холодным ночным воздухом, вляпываясь лицом в липкие паутины, проваливаясь в ямы, натыкаясь на ветки. Шагов он не слышал, но почему-то ему казалось, что они не отстали.

Конечно же, он упал. Запнулся за твердое, полетел, выронив аккумулятор, запутался в сетке, в лицо ударило что-то твердое и мягкое одновременно, левый глаз мгновенно заплыл. Круглов замер. Он ждал, что будет делать преследователь.

Слушал. Прикинуться мертвым вряд ли получится, закричать, что ли... Говорят, крик иногда этих отпугивает. Надо было перечный баллончик у Сомёнковой забрать, зачем ей баллончик, она-то по лесу не бродит...

Ничего. Никаких шагов. Ничего, ничего, ничего. Круглов пролежал почти пять минут и только потом обнаружил, что лежит на чем-то железном. Он принялся ощупывать это железо

и почти сразу узнал свою скутеретту. И сеть, которой он ее накрыл. Вот как. Он понесся через лес наугад и наткнулся на свой собственный мопед.

Повезло, черт побери...

Круглов попытался открыть левый глаз. Мог бы и не стараться, глаз не открывался, на лице налилась гуля размером с кулак, парень пошевелил глазом внутри этой гули и пришел к выводу, что тот вроде бы цел. На небе опять прорезалась луна, она стала как-то ближе, висела прямо над головой, освещала лес бледно-поганочным светом.

Круглов стал выпутываться из сетки. Оказалось, что сделать это не так уж и просто – он извиваясь в сыром мхе и едва не отрезал ухо леской, из которой сеть была сплетена. В конце концов все-таки выбрался, мокрый, усталый и злой. Отыскал аккумулятор, установил его в скутеретту, включил зажигание, загорелась фара. Прямо перед ним метрах в десяти темнела корявая тень, левая рука длиннее правой, и когти почти до земли, длинные, похожие на сабли...

Черт!

Эффект одежды на стуле, сразу же вспомнил Круглов. Чаще всего людей пугает собственная одежда, брошенная на стул или на кресло, в полумраке она принимает образы самых пугающих существ. Это не фигура, это просто... елка. Именно елка и ничего больше.

Круглов пригляделся.

На самом деле елка. Стало немного стыдно. Герой, ничего не скажешь. Скорее всего испугался звука собственных шагов, испугался эха, стука собственного сердца, куска смолы, отразившего лунный свет и преломившего его в красный. Да, случай клинический, из серии не рой другому яму, сам в ней обязательно увязнешь. Смешно.

Круглов засмеялся. Смех в ночном лесу прозвучал странно и страшно, так могли смеяться зубастые клоуны...

Все!

Он притопнул ногой, постарался собрать разбегающиеся мысли. Надо перестать себя накручивать, надо успокоиться, завести скутер и домой...

Круглов устроился в седле, развернулся в сторону тропинки, воткнул первую передачу, прибавил газу. Поехали.

Он вернулся домой уже за полночь, поставил скутер в гараж, забрался к себе в комнату. Болела голова, болел глаз, парень поглядел в зеркало и пришел к выводу, что с такой штукой в школу он завтра не ходок, на пару дней из стройных учебных рядов точно выпал. Может, и дольше. Ладно... Рассудив, что утро вечера мудренее, он прыгнул в диван, закутался пледом и попытался уснуть.

Сначала Круглов пытался уснуть просто, закрыв глаза и подумав о звездолетах. Это действовало почти всегда, с гарантией, он представлял себя внутри капсулы, путешествующей от звезды к звезде. Вокруг вакуум, жесткие излучения, а ему хорошо, и тепло, и подушки есть, и... Обычно в этом месте он засыпал.

Если не помогали звездолеты, Витька прибегал к способу, проверенному столетиями, – считал овец. Сегодня звездолетная тема почему-то не сыграла, и он решил считать овец.

Но овцы тоже поспособствовали мало, Круглов задействовал другое средство – стал ругать Сомёнку. Можно, в принципе, ругать любого знакомого, главное делать это лениво и без особой страсти – не так, как технику, и тогда почти наверняка скоро тебе станет так смертельно скучно, что ты уснешь.

Сомёнку ругать оказалось приятно. Он придумывал для Ани необходимые прозвища, как правило, связанные с ее увлечением коньками. Чучундра на льду, Коньковая змея и все в том же духе. Этот способ оказался самым эффективным. Помогло. Круглов начал проваливаться в дрему, чувствовать, как расслабляются ноги...

И вдруг увидел кровь. Она медленно стекала по стене, по мере впитывания в обои разворачивалась широким, похожим на ладонь веером. Пятерней. И эта пятерня тянулась к Круглову.

Глава V

Попал под лошадь

Пятерня тянулась к нему. Из пальцев вырывались нетерпеливые кровавые отростки, они торопливо сбегали по обоям, между цветков, корабликов и медвежат, они...

Круглов заорал, свалился с дивана, перекатился в центр комнаты. На голову капнуло теплое. Он заорал снова, стер, на ладони остались красные разводы. Откуда-то брызнули искры. Витька огляделся. Кровь стекала по всем стенам.

Голова отяжелела, пальцы затряслись, ужас залил мысли густой чернотой. Круглов выскочил из кровати и с разбегу ударил в дверь. Она оказалась незапертой, он вылетел на лестницу, поскользнулся и с размаху съехал по ступеням. Бум, темно.

Круглов очнулся. Он лежал в холле на диване, ноги были задраны на спинку, к голове приложен пакет с мороженой фасолью. Рядом стоял отец и курил. С потолка капало красное. Было светло, то есть лампы горели. На противоположном диване сидела мать с Федулом на руках. Федул грыз яблоко и выглядел довольным. Стены гостиной были покрыты мутными бордовыми потеками.

– Очнулся вроде, – сказал отец. – Молодец. Так головой приложиться. И фингал... Болит?

– Кровь... – прошептал Круглов.

Отец поглядел на потолок.

– Какая еще кровь, как маленький, честное слово... Надо меньше всякой лабуды читать, тогда и мерещиться не будет. На чердаке труба лопнула. А там у меня мешок мареновой краски с ремонта оставался, вот тебе и кровь. Весь дом теперь в разводах. Ремонт можно заново начинать.

– Только не сейчас, – помотала головой мать. – Я от предыдущего еще не отошла, а ты опять хочешь. Давай просто просушим.

– А это? – отец указал на стены.

– Пусть. До лета потерпим...

Круглов пощупал голову.

– Приложился, – кивнул отец. – Ну-ка, следи за моим пальцем!

Отец принялся двигать пальцем, справа-налево, слева-направо, парень ворочал глазами.

– Тошнит? – спросил отец.

– Нет.

– Значит, все в порядке, сотрясения нет. У тебя такая же крепкая, как у меня, голова. А у нас тут, как видишь, море.

Отец обвел взглядом холл. Круглов оглядел гостиную вслед за ним. С потолка крупными каплями капала вода. В тазы, в ведра, в стаканы, в вазы, в банки. Неприятного красного цвета. Она растекалась и по стенам, сочилась по обоям тоненькими бордовыми ручейками, и на полу тоже, поверх японского паркета бродили волны, плавал мусор, тарелки и другие мелкие предметы.

– На чердаке вообще чуть ли не полметра, – сказал отец. – Надо насос покупать, откачивать. Или само стечет, а?

– Знаешь, у нас дети, – напомнила мать. – А здесь такая влажность, что волосы уже сушить надо. Так что поедешь покупать.

Круглов сел.

– Весь дом залило, что ли? – спросил он, потрогал глаз, вроде чуть лучше.

– Весь, – сказал с каким-то удовольствием отец. – У нас раньше такое часто случалось, когда мы в коммуналке жили. Здорово так – затопит, а ты сидишь на диване весь день и в

школу не идешь, потому что зима, а обувь вся промокла и замерзла. В туалет на бабушке ездил, на закорках...

Отец развспоминался о детстве, когда мороженое было сладким, пепси-кола настоящей, а Новый год праздником.

– Этот потоп нам еще аукнется, – сказала мать. – У Феди в комнате все игрушки отсырели, придется выкидывать.

– Да, много придется выкидывать, хорошо хоть мебель удалось спасти...

Они стали обсуждать грядущий ремонт, и Круглов отметил, что мать тоже довольна – теперь у нее есть занятие на год вперед: четыре месяца планировать ремонт в деталях, обсуждать дизайн с тетей Розой и с бабушкой из Новосибирска, четыре месяца на закупку, четыре – на сам ремонт, вот оно, счастье.

Федул свесился из коляски и принялся гонять половником по воде миску.

– Я пойду спать, пожалуй, – сказал Круглов. – Что-то я... Голова у меня... Болит.

Мать быстро сбегала на кухню, принесла пакет замороженного горошка на смену фасоли, положила ему на голову.

– Спасибо, ма.

Он поднялся к себе.

Сыро и холодно. Система отопления отключилась плюс влажность. Хорошо, есть буржуйка. На буржуйке настоял сам Круглов, хотя отец и мать были очень против и сдались лишь после того, как он собственноручно выложил угол комнаты силикатным кирпичом.

Витька подтащил кресло поближе к буржуйке, закинул внутрь пару поленьев и полил жидким парафином, кинул охотничью спичку. Загорелось почти сразу. Он устроился в кресле, зевнул.

От печки распространялось тепло, Круглов вытянул ноги и расположил их на кирпичках. Немного болела голова, ныли ноги. Протянул руку, снял с печки жестяную банку с солеными орешками. Стал грызть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.